

Территориальная структура хозяйства и населения Байкальского региона: особенности, тенденции, перспективы¹

Л.А. БЕЗРУКОВ, доктор географических наук, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск. E-mail: bezrukov@irigs.ru

Аннотация. В статье выявлены и количественно оценены основные особенности современной территориальной структуры хозяйства и населения Байкальского региона: широтная зональность, меридиональная западно-восточная асимметрия, тяготение к главным транспортным магистралям, локализация индустриального потенциала в пределах территориально-производственных комплексов, концентрация вокруг важнейших городов и городских агломераций (центропериферические контрасты), разница «русских» и «нерусских» («этнических») районов. Установлены ведущие тенденции трансформации этой структуры на постсоветском этапе: сдвиг промышленности в периферийные районы и усиление ее ресурсно-сырьевой специализации, экспансия крупного столичного капитала в регион и перераспределение собственности между частными общероссийскими компаниями и госкорпорациями страны, усиление межмуниципальной центрально-периферической поляризации расселения с ростом региональных центров и их ближайшего окружения. Раскрыты возможности прорыва в экономическом развитии региона при реализации проекта «Новый Ангарстрой».

Ключевые слова: территориальная структура; хозяйство; расселение; освоенность; транспортные магистрали; комплексы; ресурсно-сырьевая специализация; центры; периферия

Сильное влияние на развитие регионов и стран оказывают их сложившиеся территориальные структуры хозяйства и населения, обладающие большой инерционностью. Актуальность исследования наиболее значимых особенностей и тенденций динамики современной хозяйственно-расселенческой структуры Байкальского региона определяется, с одной стороны, резким изменением отдельных её показателей на постсоветском этапе, с другой – слабой проработанностью данного вопроса и отсутствием соответствующих обобщающих научных работ с применением строгих количественных оценок.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках проекта № 17–410–380002р_а.

Особенности территориальной структуры региона

В основу выявления и анализа особенностей территориальной структуры хозяйства и населения Байкальского региона положена схема, разработанная нами ранее для Сибири в целом (с определенными дополнениями) [Безруков, 2016]. Количественные оценки, характеризующие шесть основных особенностей указанной структуры, базируются на использовании информации статистических сборников и бюллетеней территориальных органов Росстата по Иркутской области, Республике Бурятия и Забайкальскому краю.

Широтная зональность. Данная особенность основана на тенденции снижения степени освоенности и заселенности к северу (и частично к югу) от наиболее благоприятной для проживания и хозяйственной деятельности Главной полосы расселения.

В соответствии с дифференциацией природно-климатических и хозяйственных условий Байкальский регион рассматривается в разрезе трех основных широтных зон – Юга (Южного широтного пояса), Ближнего Севера, Дальнего Севера. При этом Дальним Севером следует считать районы, официально отнесенные по действующим нормативным актам к «районам Крайнего Севера», а Ближним – все остальные северные районы. Пути развития и функции трех названных зон во многом различны.

Южный широтный пояс охватывает наиболее освоенную и заселенную часть региона, стержнем которой служит Транссибирская железнодорожная магистраль (Транссиб). Он занимает 45,6% территории региона, концентрируя 85,2% его населения (по состоянию на 2017 г.). Значительная часть зоны входит в Главную полосу расселения России, которая имеет вид неширокой ленты (не более 120–140 км), протянувшейся с запада на восток вдоль Транссиба и сужающейся за Байкалом местами до 20–30 км. Обладая сравнительно комфортными природно-климатическими условиями, широтная зона «Юг» вполне пригодна для нормальной жизнедеятельности.

К зоне Ближнего Севера относятся отличающиеся более суровыми природно-климатическими условиями территории к северу от Южного широтного пояса и один труднодоступный горный район (Окинский Республики Бурятия) к югу от него. Широтная зона «Ближний Север» занимает 45,5% территории

региона, но проживает там всего 14,7% его населения. Стержнем зоны является Байкало-Амурская магистраль (БАМ).

К зоне Дальнего Севера принадлежит единственный район (Катангский Иркутской области), раскинувшийся на малообжитых таежных пространствах. Он занимает 8,9% площади региона, но проживает здесь только 0,1% его населения. Зона лишена наземных круглогодичных видов сообщений, отличается экстремальными природно-климатическими условиями, а также очень редкой сетью поселений.

Меридиональная западно-восточная асимметрия выражает общую тенденцию уменьшения интенсивности освоенности и заселенности Сибири в восточном направлении, что исторически связано с постепенным ослаблением «волн» колонизации, исходящих из европейской части страны. В какой-то мере влияет нарастание суровости (континентальности) климата при движении на восток, что проявляется, например, в сужении Главной полосы расселения за Байкалом (особенно в восточной части Забайкальского края). Очень значимым оказалось также наличие в Прибайкалье намного более эффективных гидроэнергетических и топливных ресурсов, чем в Забайкалье.

Если сильная в экономическом отношении Иркутская область по масштабам промышленного производства превосходит большинство европейских субъектов РФ, то в Забайкалье крупные индустриальные мощности почти полностью отсутствуют. Интенсивное промышленное развитие восточных районов страны остановилось в советский период именно на Иркутской области, в связи с чем она имеет ключевое значение для Забайкалья, Якутии и дальневосточных регионов как опорная база их дальнейшего освоения. По нашей оценке, средние расстояния между соседними городами вдоль Транссиба увеличиваются на восток от 60 км (Иркутская область) до 218 км (Республика Бурятия и Забайкальский край). Также закономерно с запада на восток уменьшаются размеры региональных центров: людность самого западного из них – Иркутска в 1,4 раза превышает людность Улан-Удэ и в 1,8 раза – Читы.

Тяготение к главным транспортным магистралям отражает тенденцию сосредоточения городских поселений Байкальского региона на транспортных магистралях и резкого снижения степени освоенности и заселенности при удалении от них. В качестве транспортных магистралей рассматриваются железные дороги,

которые обеспечивают самые экономичные в регионе перевозки. В зонах их непосредственного влияния (по 20 км в обе стороны) сосредоточивается подавляющая часть ведущих центров населения и хозяйства: по нашим подсчетам, в 103 городских поселениях на железных дорогах (72,5% их общего числа) в 2017 г. проживало 3,0 млн чел. (94,4% всего городского населения региона). Особенно велико градообразующее значение Транссиба, вдоль которого располагаются 59 городских поселений, в том числе 23 города, концентрирующих 72,7% городского населения региона (на менее чем 7% его площади).

Доминирование в градообразовании железнодорожных магистралей позволяет в определенной мере преодолеть сковывающее влияние удаленности и высоких транспортных издержек. В то же время городские поселения, находящиеся в междолистных пространствах, не в состоянии преодолеть порог людности даже малого города в 50 тыс. чел. Следовательно, расположение городских поселений относительно транспортных магистралей следует считать в условиях региона важнейшим фактором, определяющим не только локализацию, но и возможности роста и предельные максимальные размеры поселений.

Локализация индустриального потенциала в пределах территориально-производственных комплексов (ТПК). В настоящее время можно вести речь о существовании двух сложившихся комплексов – Иркутско-Черемховского и Братско-Усть-Илимского, а также одного быстро формирующегося – Верхнеленского. В Республике Бурятия и Забайкальском крае аналогичные ТПК не сформировались.

Названные комплексы выделены с учетом объемов промышленной продукции муниципальных образований, наличия тесных внутренних связей, требования максимальной компактности и неразрывности территории. К Иркутско-Черемховскому ТПК отнесено 16 муниципальных образований (МО), к Братско-Усть-Илимскому и Верхнеленскому – по пять. На территории этих ТПК, занимающих в совокупности 28% площади Байкальского региона, проживает почти 2 млн чел. (44,3%). В объеме промышленной продукции их доля составляет около 74%.

Производительность труда в промышленности ТПК Иркутской области сегодня почти в два раза выше аналогичных показателей Республики Бурятия и Забайкальского края и в 1,5 раза – общероссийского показателя, что в целом соответствует имеющимся

данным за прошлые годы [Глазырина и др., 2015]. Это обусловлено использованием высокорентабельных природных ресурсов и их сочетаний, электроэнергии с самой низкой в стране себестоимостью, эффектов масштаба производства и производственного комплексирования.

Контрасты центр – периферия. Названная особенность раскрывает закономерности ослабления силы влияния крупнейших городов и городских агломераций по мере удаления от них, что проявляется в уменьшении степени освоенности, заселенности и социально-экономического благополучия при движении в периферийные районы. На постсоветском этапе в Байкальском регионе, как и во всей стране, отмечается резкое усиление социально-экономических контрастов на межмуниципальном уровне.

Характерным примером усиления контрастов между региональными центрами и периферийными зонами служат разнонаправленные тенденции динамики численности их населения. За 28 лет – с 1989² по 2017 г. численность населения региона уменьшилась на 770 тыс. чел., или на 14,7%. В то же время все три его центра – Иркутск, Улан-Удэ и Чита, находились в растущем демографическом состоянии: их общая людность выросла на 150 тыс. чел., или на 11,9%. Это свидетельствует о сохраняющейся притягательности региональных «столиц» и продолжении стягивания к ним населения и хозяйственной жизни, что полностью подтверждается результатами более широких исследований по всем восточным регионам страны [Шворина, Фалейчик, 2018].

В отношении межмуниципальной центрo-периферической поляризации показательна ситуация с жилищным строительством в Иркутской области. В 2017 г. на четыре МО, составляющих ядро Иркутской городской агломерации, – Иркутск, Иркутский район, Ангарск и Шелехов – приходилось 71,8% ввода всех жилых домов области. Доля Иркутска и одноименного района достигала при этом 64,9%, тогда как ещё в 2001 г. она составляла 54,5%, в 1995 г. – лишь 21,8%. В результате за последние годы сложилась очень нездоровая ситуация, когда жилье строится главным образом для областного центра, а более 2/3 населения

² Для получения корректных результатов нами исправлены значительные искажения в переписи 1989 г., связанные с искусственным завышением людности таких ведущих городов, как Иркутск и Чита, на количество жителей приписанных к ним закрытых поселений.

региона, проживающего на огромной территории сельской местности и в десятках городов и поселков, остается без реальных перспектив улучшения жилищных условий.

Разница «русских» и «нерусских» («этнических») районов проявляется в различиях элементов демографического и миграционного поведения населения, специфике личного подсобного хозяйства и традиционной культуры, элитогенеза и электоральных процессов. Вместе с тем эта разница в Байкальском регионе выражена несколько слабее, чем в европейской части России с ее Северным Кавказом.

При общем преобладании в численности населения русских (85,1%) в регионе существует иерархия разностатусных национальных единиц государственного и муниципального устройства. Проживание здесь бурят (9,9%), одного из наиболее многочисленных представителей коренных народов Сибири, определило образование на основе этнического принципа Республики Бурятия и двух «административно-территориальных единиц с особым статусом» – Усть-Ордынского Бурятского округа в Иркутской области и Агинского Бурятского округа в Забайкальском крае (муниципальные районы бывших одноименных автономных округов). Численность населения коренных малочисленных народов Севера (эвенки, сойоты, тофалары) в регионе составляет лишь 0,2%.

В общей совокупности МО региона (101) безраздельно доминируют города и районы (89), где доля русских превышает 50% населения. Буряты преобладают (доля более 50%) в 11 расположенных в сельской местности муниципальных районах, из которых два находятся в Иркутской области, шесть – в Республике Бурятия, три – в Забайкальском крае. Только в одном районе Бурятии – Окинском – большинство населения составляют представители коренных малочисленных народов – сойоты.

Тенденции трансформации территориальной структуры региона на постсоветском этапе

Произошедшие на постсоветском этапе изменения в территориальной структуре хозяйства и населения Байкальского региона очень глубоки и неоднозначны. Рассмотрим те тенденции, которые в научной литературе или не получили должного внимания, или трактуются отчасти противоречиво. Две из них относятся к главному виду экономической деятельности – промышленности (анализируется

трансформация не только ее территориальной, но и отраслевой и институциональной структур), одна – к расселению.

Тенденция сдвига промышленности в периферийные районы и усиления ресурсно-сырьевой специализации. В 2000-е гг. наблюдается резкий сдвиг промышленного производства Иркутской области в пределы зон Ближнего и Дальнего Севера. Речь идет почти исключительно об активном формировании Верхнеленского ТПК на базе освоения нефтяных месторождений в Усть-Кутском, Катангском и Киренском районах. Добыча нефти началась с 1998 г., на уровень в 1,9 млн т нефтедобывающие компании вышли в 2009 г., 10 млн т – в 2012 г. [Тараканов, 2017]. По состоянию на 2017 г. Иркутская область по объему добычи нефти (18,5 млн т) занимает 7-е место в стране. По магистральному нефтепроводу «Восточная Сибирь–Тихий океан» вся добытая нефть уходит на экспорт в Китай и другие страны АТР.

Значимость Верхнеленского ТПК в экономике стремительно растет: если в 1999 г. его доля в общем объеме промышленной продукции области составляла всего 1%, то в 2009 г. – 4,8%, в 2014 г. – уже 29,1%, а в 2017 г. достигла 35,6%. По указанному показателю Верхнеленский комплекс превосходит сейчас Иркутско-Черемховский в 1,1 раза, Братско-Усть-Илимский – в 1,6 раза. В итоге роль зон Ближнего и Дальнего Севера в объеме промышленной продукции Иркутской области быстро стала доминирующей: их удельный вес поднялся с 40% в 1999 г. до 64,6% в 2017 г.

Вместе с тем бюджетно-финансовая отдача от нефтедобычи для области оказалась намного меньше ожидаемой, местные жители не могут получить рабочие места на ресурсодобывающих предприятиях, из осваиваемых районов продолжается отток населения, уровень и качество его жизни не повышаются [Куikliна, Красноштанова, 2014; Дец, 2018]. В сфере занятости приоритетным является использование труда вахтовиков из отдаленных регионов (Поволжье и Западная Сибирь), в связи с чем для Верхнеленского ТПК характерно создание временных вахтовых поселений (Верхнечонск, Данилово, Яракта, Дулисьма, Нючакан). В результате процессы освоения недр носят точечный характер, не сопровождаются заселением и обустройством территории, идет типичный для сырьевой модели хищнический вывоз ценных ресурсов без комплексирования производств и какой-либо ощутимой компенсации потерь районам добычи [Дец, 2018].

Сдвиг территориальной структуры промышленности в северные районы Иркутской области сопровождался сильнейшей трансформацией ее отраслевой структуры: главной отраслью по объему производства (более 35%) стала нефтедобыча. При этом доля «добычи полезных ископаемых» в структуре промышленного производства выросла с 8,4% в 2005 г. до 43% в 2017 г., т.е. в 5,1 раза. Следовательно, произошел кардинальный сдвиг в сторону усиления ресурсно-сырьевой специализации с уменьшением доли «обрабатывающих производств».

Рост доли добывающих отраслей в 2005–2017 гг. наблюдался также в Забайкальском крае (с 36 до 58%) и Республике Бурятия (с 17 до 22%). В Бурятии данная тенденция связана как с началом освоения запасов урана Хиагды в Баунтовском районе и увеличением добычи угля и золота, так и со спадом производства в обрабатывающих отраслях [Баранов и др., 2018]. Более значительный рывок в развитии добывающих отраслей произошел в Забайкальском крае, где в Газимуро-Заводском районе введены в эксплуатацию Быстринский ГОК (медный и железорудный концентраты и золото) и Новоширокинский рудник (свинцово-цинковые руды), в Александрово-Заводском районе – Нойон-Тологойский рудник (полиметаллические руды) [Задорожный, Быбин, 2012; Новикова, 2014]. Если для территориальной структуры промышленности Бурятии характерно смещение на север, то Забайкальского края – в периферийные южные районы в сторону границы с Китаем (освоение Чинейско-Удоканского горно-промышленного района на севере региона пока не началось).

В самые ближайшие годы сдвиг промышленного производства в северные районы Иркутской области еще более усилится, что связано с ожидаемым массовым освоением ресурсов природного и попутного нефтяного газа. Планируется ввод в эксплуатацию крупного Ковыктинского газоконденсатного месторождения с подачей газа в экспортный магистральный газопровод «Сила Сибири». Прорабатывается проект строительства в Усть-Куте на базе использования попутного нефтяного газа газоперерабатывающего завода, в последующем – газохимического комплекса [Градецкий, Скоробогатый, 2019]. В то же время под вопросом остается газификация области и подача газа с Ковыкты в Иркутско-Черемховский ТПК для развития газохимии в Саянске и Ангарске. Между тем, согласно рекомендациям специалистов

[Ижбулдин, Платонов, 2011], газовые месторождения Иркутской области и Красноярского края необходимо ориентировать именно на обеспечение газом местных рынков и поставлять на экспорт только его излишки. Лишь при таком «раскладе» возможно создание крупных газохимических комплексов в Усть-Куте, Саянске и Ангарске, что будет сопровождаться глубокой переработкой сырья, комплексированием производств, налаживанием более тесных хозяйственных связей между северными и южными районами.

Тенденция широкой экспансии крупного столичного капитала и перераспределение региональной собственности между частными общероссийскими компаниями и государственными корпорациями страны. В 1995–1998 гг. начинается проникновение, а с 1999 г. – тотальная экспансия крупного столичного бизнеса в Байкальский регион. В первой половине 2000-х гг. почти все базовые прибыльные предприятия промышленности и частично других отраслей региона приобрели новых собственников в лице частных интегрированных бизнес-групп общероссийского уровня и государственных корпораций. В настоящее время предприятия региона входят в состав мощных частных компаний («Русал», «ЕвроСибЭнерго», «Илим», «Интер РАО», «Мечел», «Полиметалл», «Полнос Золото», «Норильский никель», «СУЭК» и др.) и госкорпораций («Роснефть», «Транснефть», «Росатом», «Объединенная авиастроительная корпорация», «Вертолеты России» и др.).

Приход в регион столичного бизнеса оказал неоднозначное влияние на экономическую и социальную обстановку: при стабилизации работы предприятий уменьшились налоговые поступления в бюджеты субъектов РФ, были отсечены непрофильные активы, переданы на баланс муниципалитетов ведомственные социальные объекты и т.д. Экстерриториальность доминирующего крупного капитала ведет к перераспределению доходов (финансовых ресурсов, налогов) крупнейших компаний из регионов их непосредственной производственной деятельности (регионов присутствия) в другие регионы – как правило, в российские столицы (Москву и Санкт-Петербург) и/или зарубежные офшоры.

Все три входящих в Байкальский регион субъекта РФ по основным социальным (среднедушевые денежные доходы, продолжительность жизни, доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума и др.) и бюджетно-финансовым (уровень дотационности бюджетов и уровень бюджетного

дефицита) показателям заметно отстают от основной массы других субъектов Федерации и среднероссийского уровня [Глазырина и др., 2015; Безруков, 2018б; Градецкий, Скоробогатый, 2019]. При доле региона в населении России, равной 3%, его доля в ВРП, объеме промышленной продукции и поступлении налогов в бюджетную систему страны в 2017 г. составляла лишь 2,2%, инвестициях в основной капитал – 2,5%, экспорте – 2,0%.

Такое отставание объяснимо прежде всего искусственными занижениями основных экономических показателей региона официальной статистикой. Это происходит вследствие учета значительной их части по месту расположения (обычно в Москве или Санкт-Петербурге) штаб-квартир вертикально интегрированных компаний, контролирующих сибирские предприятия, а также широкого применения специальных финансовых механизмов – толлинговых и процессинговых схем производства, трансфертного ценообразования, перерегистрации основных фондов за пределами региона, внутрикорпоративного перераспределения выручки и прибыли между головными офисами компаний и их филиалами, использования внешних и внутренних офшоров, создания консолидированных групп налогоплательщиков и т.д.

Показательным примером занижения стоимостных объемов промышленной продукции, а соответственно, налоговых поступлений и бюджетных доходов является ситуация в индустриальной Иркутской области. Размеры занижения этих объемов в четырех ведущих отраслях региона – нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, целлюлозно-бумажной и алюминиевой – установлены за 2014 г. на основе «перекрестного» анализа стоимостных и натуральных показателей производства их важнейших видов продукции и информации о соответствующих мировых и внутренних ценах [Безруков, 2018б]. Стоимостные объемы продукции занижаются исключительно предприятиями, входящими в состав экстерриториальных компаний и госкорпораций, штаб-квартиры которых находятся в Москве (НК «Роснефть» и ОК «Русал») и Санкт-Петербурге (Группа «Илим»). К таким предприятиям относятся нефтедобывающая компания «Верхнечонскнефтегаз» и нефтеперерабатывающая «Ангарская нефтехимическая компания», контролируемые госкорпорацией НК «Роснефть», целлюлозно-бумажные комбинаты в Братске и Усть-Илимске Группы «Илим», алюминиевые заводы в Братске и Шелехове, принадлежащие ОК «Русал».

Результаты расчетов говорят о том, что по четырем указанным отраслям продукция на сумму около 300 млрд руб. не учитывается как произведенная в области, причем около 85% занижений приходится на нефтедобычу и нефтепереработку. То есть почти 30% общего объема промышленной продукции региона не фиксируется официальной статистикой. Только за счет занижения стоимостных объемов продукции нефтедобычи и нефтепереработки доходы области уменьшаются ориентировочно на 24,5 млрд руб., что порождает искусственный дефицит бюджета, который покрывается трансфертами из федерального центра (18,3 млрд руб. в 2014 г.). С учетом же фактических объемов продукции и соответствующих им доходов никакой дефицитности бюджета в регионе не существует, и дотации не требуются.

Кстати, самым значимым налогоплательщиком в области является «Иркутская нефтяная компания» – единственное независимое региональное предприятие по добыче нефти с местной «пропиской», хотя по своим размерам она уступает экстерриториальным компаниям и госкорпорациям [Градецкий, Скоробогатый, 2019].

Несправедливое изъятие из региона финансовых ресурсов в пользу федерального центра, столичных городов и финансово-промышленных групп (с их зарубежными офшорами) и, соответственно, искусственная дотационность территориальных бюджетов ведут к неизбежной стагнации экономики даже таких «сильных» субъектов Федерации, как Иркутская область, потенциально способных к новой мощной «волне» развития.

При переходе предприятий Байкальского региона под контроль частных общероссийских компаний и госкорпораций сами предприятия остались, естественно, на своем месте, и территориальная структура промышленности, на первый взгляд, не изменилась. Однако резкое уменьшение бюджетно-финансовой отдачи закрывает путь к формированию более совершенной производственной структуры со средними и высокими переделами и дальнейшему комплексному развитию промышленного производства региона. Последний все в большей мере специализируется на добыче природных ресурсов, что определяет жесткую зависимость и излишнюю уязвимость экономики от конъюнктуры мирового сырьевого рынка, утечку значительной части добавленной стоимости, которая могла бы образоваться при увеличении глубины переработки сырья. Действительно, почти

весь экономический рост связан сейчас с интересами холдингов общероссийского масштаба, направленными главным образом на увеличение добычи и вывоза (в основном на экспорт) сырья и полупродуктов – нефти, газа, угля, руд металлов, алюминия, древесины, целлюлозы и пр.

Поэтому важнейшей исходной предпосылкой полноценного развития региона является установление справедливого финансово-экономического баланса отношений между центром и регионами, крупным бизнесом и территориями-производителями, т.е. достижение истинного бюджетного федерализма. Для этого необходимо надлежащее решение «клубка» острейших политических, экономических, правовых, институциональных и организационных проблем принадлежности, распределения и перераспределения собственности, доходов и полномочий как между уровнями государственной власти, так и между властью и финансово-промышленными группами, контролирующими базовые предприятия сибирских регионов.

Тенденция усиления межмуниципальной центрально-периферической поляризации расселения с ростом региональных центров и их ближайшего окружения сопровождается процессами деградациии и обезлюдения обширных периферийных территорий. В качестве ближайшего окружения Иркутска и Читы следует рассматривать Иркутский и Читинский районы; Улан-Удэ – Иволгинский, Заиграевский и Тарбагатайский районы. В этих «центральных» городах и районах, занимающих лишь 3,1% общей площади Байкальского региона, в 1989 г. проживало 1473,9 тыс. чел. (28,1% всего населения), а в 2018 г. – уже 1718,6 тыс. чел. (38,4%). В 1989–2018 гг. наиболее высокими были темпы роста Улан-Удэ с прилегающими районами (22,9%) и Иркутска со своим районом (17,9%). Чита и Читинский район выросли не так значительно (7,0%). Высокие темпы роста Улан-Удэ объяснимы прежде всего влиянием этнического фактора – стремлением представителей титульной нации к сосредоточению в своей «столице» без последующей миграции [Тихонов, 2019]. Региональные центры отличаются относительно благоприятным экономико-географическим положением, развитой транспортной и рыночной инфраструктурой, наличием здесь органов управления субъектами РФ и головных финансовых структур, банков и фондов, значительного научно-образовательного потенциала.

В то же время почти всю остальную часть региона – около 97% его площади – можно отнести к периферии, которая на постсоветском этапе в основном только теряла население (за очень небольшими исключениями). За период 1989–2018 гг. периферийные территории лишились 1021,4 тыс. чел., или 27,1% жителей. Целый ряд северных районов потерял свыше половины населения.

В обладающей наиболее высоким демографическим потенциалом Иркутской области сформировалось зрелое урбанистическое образование в виде Иркутской городской агломерации, в состав которой входят города Иркутск, Ангарск, Шелехов, Усолье-Сибирское и прилегающие к ним районы [Григоричев, 2013; Воробьев, Емельянова, 2014]. На постсоветском этапе доля агломерации в общей численности населения области выросла с 39,9% в 1989 г. до 49,2% в 2018 г. Однако идеи административного объединения городов Иркутской агломерации и предоставления ей дополнительных преференций выглядят сомнительно, поскольку это может привести к еще большему отрыву сравнительно благополучной агломерации от остальной массы поселений, усугублению деградации громадных периферийных территорий. Следует особо отметить, что при сдвиге территориальной структуры промышленности в периферийные районы население неуклонно смещалось в пределы более освоенной и комфортной по климатическим условиям Главной полосы расселения, концентрируясь преимущественно в региональных центрах и их ближайшем окружении.

Возможности прорыва в экономическом развитии

В обозримом будущем наиболее заметные изменения в территориальной структуре хозяйства Байкальского региона ожидаются в промышленности, перспективы развития которой связаны в общем виде с реализацией четырех основных направлений [Тараканов, 2017; Дец, 2018]. Во-первых, продолжится освоение богатейшего природно-ресурсного потенциала: развернется масштабная добыча нефти и природного газа, вовлечение в эксплуатацию рудного золота, урана, руд цветных и редких металлов, угля и железных руд новых месторождений, лесных запасов северных районов и т.д. Во-вторых, планируется увеличение объемов производства в энерго- и водоемких отраслях специализации:

в алюминиевой и лесной промышленности (строительство алюминиевого завода и анодной фабрики в Тайшете; создание новых целлюлозных заводов и мощностей деревообработки); в электроэнергетике (сооружение новых гидро- (Тельмамская на Мамакане и Мокская на Витиме) и теплоэлектростанций (Усть-Кут), расширение мощностей действующих ТЭС) и т.д. В-третьих, стратегическим направлением должно стать углубление переработки сырья с организацией конечных переделов как на базе действующих предприятий алюминиевой, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной, химической и нефтехимической промышленности, так и на базе планируемых производств газохимии и черной металлургии. В-четвертых, на основе активизации инновационной деятельности предполагается создание новых для региона высокотехнологичных и наукоемких конкурентоспособных видов продукции в машиностроении, фармацевтике и др.

Вместе с тем, как следует из анализа документов стратегического планирования по Байкальскому региону³, подавляющее большинство предлагаемых проектов первого и второго направлений носит сравнительно локальный (точечный) характер или только усиливает ресурсно-сырьевую специализацию, а третье и четвертое направления проработаны пока в самом общем виде. Для региона остро необходим крупный проект такого уровня, который предусматривал бы комплексирование производственных процессов и интеграцию между собой хозяйственных комплексов трех субъектов Федерации, заметный рост их значимости в общероссийском разделении труда, занятости и численности населения и т.д. Многообразие форм собственности не отменяет работоспособности метода концентрации сил и средств в нужном месте и в нужное время, а первоначальным инструментом конкретной проработки такого проекта может служить так

³ Стратегия социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2030 года [Эл. ресурс]. URL: <http://xn--80aaelotwbjpid2k.xn--80aaac8algebcbck3f10q.xn--plai/action/programs/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-zabaykalskogo-kraja/> (дата обращения: 14.03.2019). Стратегия социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 года [Эл. ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/48807477-e977-4718-9c8b-9b86899d45bc/Irkut2030.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=48807477-e977-4718-9c8b-9b86899d45bc> (дата обращения: 14.03.2019). Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 года [Эл. ресурс]. URL: <http://egov-buryatia.ru/minec/activities/directions/strategicheskoe-upravlenie/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-ser-rb/> (дата обращения: 14.03.2019).

называемый Иркутский «Госплан»⁴. Актуальность реализации в Сибири масштабных проектов определяется как необходимостью обеспечения полноценного разворота российской экономики на восток, так и новыми возможностями экономического роста в связи с поступательным формированием «Большой Евразии»⁵.

В случае реализации подобных условий и с учетом естественных конкурентных преимуществ наиболее перспективным представляется проект формирования в Байкальском регионе мощной промышленной базы общероссийского значения «Новый Ангарстрой», который предусматривает создание крупнейшего металлургического производства полного цикла, включающего черную металлургию и титаномагниеую промышленность [Никольский, 2017]. Современная бездоменная технология получения губчатого железа с помощью природного газа позволяет создать в регионе третью (восточную) металлургическую базу страны на основе ванадийсодержащих титаномагнетитовых руд Чинейского месторождения Забайкальского края (вблизи БАМа) и Малотагульского месторождения Иркутской области, газа Ковыктинского месторождения, энергетических углей Иркутского бассейна и электроэнергии ангарских ГЭС. О масштабах проекта говорит возможность строительства трех базовых комбинатов черной металлургии полного цикла – Усть-Кутского, Илимского и Тайшетского – общей мощностью 39 млн т электростали в год, двух титаномагниеых комбинатов – Черемховского и Тулунского, множества сопутствующих производств и электростанций.

Суть прорывного проекта «Новый Ангарстрой» – в достижении на основе планируемого комплексообразования крупнейших в мире производств электростали, ванадия, ферросплавов, легких

⁴ Иркутский «Госплан» – детализированный пятилетний план стратегического социально-экономического развития Иркутской области, реализуемый с 1 января 2019 г. и предусматривающий установление не прогнозных, а именно плановых целевых показателей; близок к механизму среднесрочного планирования, принятому в крупных корпорациях [Градецкий, Скоробогатый, 2019].

⁵ «Большая Евразия» (или евразийская континентальная) интеграция – создающаяся геоэкономическая общность, включающая в себя на первоначальном этапе тандем Россия–Китай и тяготеющие к ним страны Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества. Формирование «Большой Евразии» объективно усиливает общеэкономическую роль Сибири и может стать важным рычагом ее развития вследствие облегчения и удешевления хозяйственного взаимодействия сибирских регионов со странами и районами континента за счет сооружения международных транспортных коридоров широтной и меридиональной ориентации [Безруков, 2018а].

сплавов титана и магния, что даст толчок развитию страны в целом. Учитывая значительные потребности черной металлургии в природном газе, целесообразно изменить стратегию использования газовых месторождений Восточной Сибири: ориентировать Якутию на обеспечение экспортных поставок голубого топлива по газопроводу «Сила Сибири», а газ Иркутской области направить в основном на развитие ее металлургических комбинатов и газохимических производств.

В связи с огромными объемами перевозимых грузов особую роль играет транспортная составляющая проекта: необходимость кардинальной модернизации Транссиба, БАМа и всей железнодорожной системы Сибири, организация перевозок продукции во внутреннем производственном цикле по принципу маятника и т.д. [Никольский и др., 2018].

Хотя «Новый Ангарстрой» ориентирован на будущий внутренний спрос российской экономики (в первую очередь на нужды оборонно-промышленного и железнодорожного комплексов), масштабный первоначальный спрос на продукцию высококачественной черной металлургии и титаномагниевого промышленности, возможно, обеспечит Китай. Производство и экспорт массовой дешевой продукции с относительно большой глубиной переработки сырья (широкий спектр товаров нижних, средних и высоких переделов) обеспечат внешнеторговое сотрудничество и интеграцию экономик России и Китая на взаимовыгодной основе [Никольский и др., 2018]. В итоге в Байкальском регионе сформируется более совершенная и диверсифицированная производственная структура, коренным образом увеличатся конкурентоспособность и число видов выпускаемой продукции, резко повысятся занятость населения, эффективность работы и степень самодостаточности хозяйственного комплекса, укрепятся многие опорные центры системы расселения, в том числе в северных районах, большую степень сбалансированности и стабильности приобретет вся территориальная структура хозяйства и населения.

Литература

Баранов А. О., Дондоков З. Б.-Д., Павлов В. Н., Сулов В. И. Перспективы развития экономики Республики Бурятия // ЭКО. 2018. № 10. С. 77–95. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-10-77-95

Безруков Л. А. Территориальная хозяйственно-расселенческая структура Сибири: особенности и тенденции // Проблемы регионального развития России /

Отв. ред. В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: Изд-й дом «Кодекс», 2016. С. 556–577. (Вопр. геогр.; Сб. 141).

Безруков Л. А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018а. № 4. С. 5–14. DOI: 10.21782/GIPR0206–1619–2018–4(5–14)

Безруков Л. А. Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018б. № 2. С. 79–89.

Воробьев Н. В., Емельянова Н. В. Иркутская городская агломерация: особенности формирования и обоснование границ / Препринт. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2014. 25 с.

Глазырина И. П., Забелина И. А., Клевакина Е. А., Богомолова Т. Ю. Еще раз о «восточном векторе»: производительность труда в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока // ЭКО. 2015. № 12. С. 93–107.

Градецкий А., Скоробогатый П. Иркутский «Госплан» // Эксперт. 2019. № 10. С. 49–60. (Спец. доклад «Иркутский «Госплан»).

Григоричев К. В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск, 2013. 248 с.

Дец И. А. Проектный подход в территориальном развитии: Байкальский регион. Новосибирск: Гео, 2018. 139 с.

Задорожный В. Ф., Быбин Ф. Ф. Создание нового горно-металлургического комплекса страны – реализация национальной стратегии на территории Забайкальского края // Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья / Под ред. А. К. Тулохонова. Новосибирск: Наука, 2012. С. 124–136.

Ижбулдин А. К., Платонов Л. А. Экспорт природного газа // Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние, взгляд в будущее / Под ред. Н. И. Воропая, Б. Г. Санеева. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2011. С. 264–269.

Куклина В. В., Красноштанова Н. Е. Взаимодействие промышленных компаний и местных сообществ в условиях дальней периферии (на примере Катангского района Иркутской области) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Науки о Земле». 2014. Т. 10. С. 78–90.

Никольский А. Ф. «Новый Ангарстрой» как ключевой проект будущей индустриализации в России // География и природные ресурсы. 2017. № 4. С. 143–153.

Никольский А. Ф., Безруков Л. А., Шуплецов А. Ф. «Новый Ангарстрой» как проект несырьевой интеграции экономик России и Китая // Изв. Байкальского гос. ун-та. 2018. Т. 28. № 3. С. 470–480. DOI: 10.17150/2500–2759.2018.28(3).470–480.

Новикова М. С. Экономико-географические особенности освоения юго-восточных районов Забайкальского края. Новосибирск: Акад. изд-во «Гео», 2014. 161 с.

Тараканов М. А. Промышленность Иркутской области за четверть века работы в рынке. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2017. 205 с.

Тихонов С. Улан-Удэ: национально-климатический капкан // Эксперт. 2019. № 9. С. 34–39. (Спец. обозрение «Недвижимость в регионах»).

Шворина К. В., Фалейчик Л. М. Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 2. С. 485–501. DOI: 10.17059/2018–2–12

Статья поступила 19.03.2019.

Для цитирования: Безруков Л. А. Территориальная структура хозяйства и населения Байкальского региона: особенности, тенденции, перспективы // ЭКО. 2019. № 5. С. 8–26.

Summary

Bezrukov, L.A., Doctor of Geographical Sciences, V.B. Sochava Institute of Geography, SB RAS, Irkutsk

Territorial Structure of the Economy and Population of the Baikal Region: Features, Trends and Prospects

Abstract. The article identifies and quantifies the main features of the modern territorial structure of the economy and population of the Baikal region: latitudinal zonality, meridional west-east asymmetry, gravitation toward main traffic arteries, localization of the industrial potential within territorial-production complexes, and concentration around chief towns and urban agglomerations (core-periphery contrasts), the difference between “Russian” and “non-Russian” (“ethnic”) regions. We established principal trends in transformation of this structure in the post-Soviet stage: the shift of industry to peripheral regions and strengthening of its resource and raw material specialization, domination of large capital in the region and property redistribution between private all-Russian companies and state corporations of our country, strengthening of inter-municipal central-peripheral polarization of settlements with growing regional centers and their immediate environment. We consider opportunities for a breakthrough in the economic development of the region during the implementation of the project “Novyi Angarstroj”.

Keywords: *Territorial structure; economy; settlement; degree of territorial development; transport lines; complexes; resource and raw material specialization; cores; periphery*

References

- Baranov, A.O., Dondokov, Z.B.-D., Pavlov, V. N., Suslov, V. I. (2018). Prospects for the development of the economy of the Republic of Buryatia. *ECO*. No. 10. Pp. 77–95. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–10–77–95
- Bezrukov, L.A. (2016). The territorial economic and settlement pattern of Siberia: features and tendencies. In: *Problems of regional development in Russia*. Moscow, Izd-j dom Kodeks. Pp. 556–577. (In Russ.).
- Bezrukov, L.A. (2018a). The geographical implications of the creation of “Greater Eurasia”. *Geografiya i prirodnye resursy. Geography and Natural Resources*. No. 4. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.21782/GIPR0206–1619–2018–4(5–14)
- Bezrukov, L.A. (2018b). Institutional factor of interregional imbalances in Russia (through the example of Siberia). *Regional'nye issledovaniya*. No. 2. Pp. 79–89. (In Russ.).

Dets, I.A. (2018). *Project Approach in spatial development: Baikal region*. Novosibirsk, Geo. 139 p. (In Russ.).

Glazyrina, I.P., Zabelina, I.A., Klevakina, E.A., Bogomolova, T. Yu. (2015). "Eastern Vector" revisited: productivity in the border regions of Siberia and the Far East. *ECO*. No. 12. Pp. 93–107. (In Russ.).

Gradeckij, A., Skorobogatyj, P. (2019). Irkutsk «Gosplan». *Ekspert*. No. 10. Pp. 49–60. (In Russ.).

Grigorichev, K.V. (2013). *In the Shadow of big city: social space of suburb*. Irkutsk, Ottisk. 248 p. (In Russ.).

Izhbuldin, A.K., Platonov, L.A. (2011). Export of natural gas. In: *The eastern vector of Russia's energy strategy: state of the art and prospects*. Novosibirsk, Geo Publ. Pp. 264–269. (In Russ.).

Kuklina, V.V., Krasnoshtanova, N.E. (2014). Interaction of industrial companies and local communities in conditions of outer periphery (on example of Katangskii county of Irkutsk Region). *Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Nauki o Zemle. The bulletin of Irkutsk State University. Series Earth sciences*. Vol. 10. Pp. 78–90. (In Russ.).

Nikol'skij, A.F. (2017). "Novyi Angarstroj" as the key project of future industrialization in Russia. *Geografiya i prirodnye resursy. Geography and Natural Resources*. No. 4. Pp. 143–153. (In Russ.).

Nikol'skij, A.F., Bezrukov, L.A., Shupletsov, A.F. (2018). «New Angarstroy» as a project of non-raw materials integration of economies of Russia and China. *Izvestiya Bajkalskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Bulletin of Baikal State University*. Vol. 28. No. 3. Pp. 470–480. (In Russ.). DOI: 10.17150/2500–2759.2018.28(3).470–480.

Novikova, M.S. (2014). *Economic-geographical issues of developing of south-east areas of Zabaikal region*. Novosibirsk, Geo Publ. 161 p. (In Russ.).

Shvorina, K.V., Falejchik, L.M. (2018). Main directions of migration mobility in the Siberian and Far Eastern Federal Districts. *Ehkonomika regiona. Economy of Region*. Vol. 14. No. 2. Pp. 485–501. (In Russ.). DOI: 10.17059/2018–2–12

Tarakanov, M.A. (2017). *Industry of Irkutsk region till quarter of century of working at market*. Irkutsk, Izd-vo IG SO RAN. 205 p. (In Russ.).

Tihonov, S. (2019). Ulan-Ude: nacional-climat trap. *Ekspert*. No. 9. Pp. 34–39. (In Russ.).

Vorob'ev, N.V., Emel'yanova, N.V. (2014). *Irkutsk urban agglomeration: characteristic features of formation and substantiation of boundaries*. Irkutsk, Izd-vo IG SO RAN. 25 p. (In Russ.).

Zadorozhnyj, V.F., Bybin, F.F. (2012). Creation of a new mining and smelting complex in the country – implementation of a national strategy on the territory of the Trans-Baikal Territory. In: *Positioning of Baikal region territories at conditions transbordary*. Novosibirsk, Nauka Publ. Pp. 124–136. (In Russ.).

For citation: Bezrukov, L.A. (2019). Territorial Structure of the Economy and Population of the Baikal Region: Features, Trends and Prospects. *ECO*. No.5. Pp. 8-26. (In Russ.).